

Тишину коломенской августовской ночи 1792 года прорезал мужской крик «Караул!». В благопристойном городе творилось что-то неладное...

Остановимся на минуту и задумаемся, а насколько благополучной была атмосфера Коломны в конце восемнадцатого столетия? Несомненно, облик города соответствовал той ведущей роли, которую он играл в экономической жизни губернии. В начале 1790-х годов улицы становились более прямыми, на них всё больше появлялось каменных домов. На торговых площадях, где стояли многочисленные лавки, уже начали вырисовываться контуры Гостиного двора. Вся жизнь стремилась к размеренности и регулярности, подчёркиваемой ровными участками дворов, по-новому распределяемых между горожанами. Но портрет городского общества дополнялся и иными персонажами, предпочитавшими несколько другие места, а именно многочисленные питейные дома и погреба. Здесь нередко задумывались тёмные дела, приводившие к отъёму праведно нажитого имущества добропорядочных граждан. К концу восемнадцатого века в Коломне насчитывалось тринадцать питейных домов, семь винных погребов и пять пивоварен. Названные питейные заведения и станут неременными «участниками» нашего рассказа.

Вернёмся же к ночи с 16 на 17 августа, когда по улицам Коломны в районе Гончаров (ориентиром ныне может служить Центр беспилотной авиации) бежали несколько человек. Одним из них был крестьянин Михаил Афанасьев из

села Петровского Бронницкой округи, проживавший в наёмном доме коломенского купца Петра Фёдорова Тулинова. В ту несчастливую ночь, возвращаясь из сада Тулинова, где он стерёт яблоки, крестьянин столкнулся с выходящими из его квартиры тремя личностями. В них Михаил Афанасьев признал коломенского мещанина Егора Иванова, дворового человека Василия Сергеева, находящегося в услужении у коломенского именитого гражданина Ивана Мещанинова, и солдатскую жену Дарью. Схватив Василия за кафтан, крестьянин Афанасьев праздновал уже победу, но тот, скинув одежду, пустился вместе с сообщниками наутёк. Компанию колоритному коллективу

«лёгкоатлетов» составила жена Михаила — Акимья Савельева, находившаяся, как выяснилось впоследствии, в состоянии алкогольного опьянения.

Чуть позже станет известно, что из разломанного сундука крестьян пропало имущество на сто шесть рублей двадцать пять копеек: девяносто четыре рубля (восемьдесят семь рублей серебряной монетой, пять рублей государственной ассигнацией и два рубля медной монетой) и вещей на двенадцать рублей двадцать пять копеек. Среди украденного значились: одна понёва (*юбка*) деревенская в девяносто пять копеек; две женские рубашки холстинные в два рубля; четыре аршина синей крашенины (*крашеный холст*) в шестьдесят копеек; скроенная женская рубашка холщовая в рубль; шестнадцать аршин ровной холстины в рубль в шестьдесят копеек; восемь с половиной аршин ровной холстины в восемьдесят пять копеек; одни скроенные порты холщовые в двадцать копеек; четыре небольших лоскута белой холстины в сорок копеек; одна шуба нагольная деревенского покроя старая в два рубля; семнадцать фунтов чёрной шерсти в два рубля пятьдесят пять копеек; одна деревенская сорока (*головной убор*) в десять копеек.

Преследуемые вбежали во двор мещанина Авраама Маскарина и исчезли из виду. Увидев, что дом заперт, супруги Афанасьевы стали шуметь, а Акимья, разломав окно в светёлке, влезла в жилище. Мещанская жена Арина Маскарина утверждала в дальнейшем, что когда в четыре часа ночи её разбудил крик на дворе, она проснулась и, засветив свечу, сошла в сени. Там она увидела упомянутую крестьянку и жительствующую у неё солдатскую жену Дарью, а, отворив двери, и Афанасьева, который вошёл в такой азарт, что перечить ему было страшно. Он ударил по щеке Дарью и разразился руганью в адрес её и Маскариной, которая, видя такую ситуацию, безропотно отворила свой сундук, где, как предполагал Михаил, лежали ворованные вещи. Михаил Афанасьев и его жена вытащили из

сундука Маскариной вещи, которые они объявили своими. Мещанка же утверждала, что имущество её.

Всё это происходило на глазах достаточно многочисленных зрителей — не спавших в ту ночь коломенцев. Среди них были живший неподалёку купец Лазарь Иванов Фильчугин, сотский Пётр Саврасов, работник купца Василья Фёдорова Шкарина крестьянин Антон Фёдоров (из села Старая Рязань), дворовые люди Мещаниновых. Сотский и работник купца выполняли общественные дела: Пётр Саврасов обходил дозором свой участок, Антон дежурил в караульной будке; дворовый же человек Ларион Аникимов, находящийся в услужении у капитана Ивана Ивановича Мещанинова, нёс охранные функции — дежурил в конюшне при доме Мещанинова.

Сотский Пётр Саврасов и караульный работник Антон Фёдоров, собрав разбросанные вещи, отнесли их на съезжий двор. В ходе последующих допросов выяснились интересные детали. Дом мещан Маскариных напоминал коммунальную квартиру, где комнаты сдавались в наём солдатским жёнам Дарье Афанасьевой, Анне Афанасьевой, мещанину Егору Иванову. При этом одиннадцатилетняя дочь солдатской жены Дарьи Афанасьевой Аграфена утверждала, что 16 августа в дом Маскариной приходил дворовый человек Василий, пивший вино с крестьянской женой Афимьей Савельевой. Сама же Маскарина не могла сказать, кто приходил в её дом 16 августа, потому что была у брата своего, купца Семёна Филипова, от которого вернулась часа за два до заката, а затем в сумерках провожала свою сестру Афимью Филипову (жену мещанина Кондратя Меркулова) с малолетней дочерью.

Арина Маскарина тоже очень убедительно доказывала принадлежность вещей. Так, понёву она взяла в заклад под тридцать копеек от солдатки Марины, работавшей на кожевенном заводе Мещанинова; одна рубаха принадлежала солдатке Дарье Афанасьевой, а другая — её умершей свекрови, купечкой жене Алёне Андреевой; четыре аршина крашенины — солдатки Анны Афанасьевой; деревенская сорока была отдана мужу Маскариной в залог в одной копейке с половиною, когда он был служителем при коломенских питейных сборах в Ямском питейном доме; прочие предметы были обозначены как её собственные.

Пока разворачивалась пружина следствия, дворовый человек Василий и солдатская жена Дарья скрылись. А пятидесятилетний мещанин Егор Иванов представил в свою защиту алиби, которое можно охарактеризовать не иначе, как похождение одного коломенского пьяницы. Он 16 августа нанёс визит купцу Семёну Тупицыну, где, выпив два стакана браги, отправился в питейный дом, называемый Разгуляевским. Пробыв в обозначенном заведении около двух часов за стаканом вина за пять копеек, Егор Иванов после вечерни зашёл на полтора часа к знакомому священнику Воздвиженской церкви Алексею Степанову, а затем к дьячку того же храма Кондратию Алексееву, у которого хотел снять в наём покои. После заката, прогулявшись по берегу Москвы-реки, мещанин через Пятницкие ворота прошёл до Косых ворот и зашёл в питейный дом Коломенский, в котором уже горела свеча. В подтверждение своих слов Егор сослался на сержанта Евдокима Иванова и сотского Петра Малахова. В питейном заведении он провёл примерно полтора часа в душевной компании, которую и угостил за свой счёт. Вино и полпива были поднесены приказным Коломенского нижнего земского суда Василию Соколову и Фёдору Никитскому, городнического правления Петру Заозёрскому, пономарю

Архангельской церкви Алексею Кондратьеву и коломенскому купцу Якову Ильину. Уже утром, будучи в изрядном подпитии, Егор Иванов и Яков Ильин, воспользовавшись предложением пономаря Кондратьева, отправились к нему спать. На рассвете все трое пошли на торг, где и расстались.

К слову сказать, опрос свидетелей мещанским старостой Казаковым показал, что Иванов и Маскарина были замечены в постоянном пьянстве. Более того, в 1787 году Егор Иванов вместе с мещанами Иваном Васильевым и Сергеем Струковым оказался замешанным в краже у крестьян села Климова Бронницкой округи трёх лошадей. Избежать же наказания за содеянное им помогла амнистия, объявленная манифестом по случаю двадцатипятилетия царствования Екатерины II.

В итоге почти четырёхмесячного разбирательства Коломенского магистрата при содействии городничего было вынесено достаточно пространное решение. Мещанин Егор Иванов за недостаточностью улик был оправдан, но за пьянство был определён в смирительный дом на шесть месяцев с содержанием за счёт мещанского общества с последующей компенсацией затраченных средств. Маскариной были возвращены все взятые у неё вещи, а показания относительно её пьянства посчитали неубедительными, поскольку они прозвучали впервые. Крестьяне Афанасьевы и сотский Саврасов были обязаны подпиской о недопущении в дальнейшем самовольных обысков.

В те же августовские дни, но неделей позже, в ночь с 23 на 24 августа у рядового карантинной заставы Архипа Густелева, проживавшего в доме коломенской мещанской жены Афимьи Черниковой, были украдены его пожитки. Среди них оказались деньги в количестве 21 рубль 40 копеек, вырученные за проданное по поручению майора Василия Степановича Васильева железо разным обывателям, а также рубашка с портами в рубль двадцать копеек; два платка (один бумажный новый в шестьдесят копеек, другой холщовый в двадцать восемь копеек); четыре галстука (власяной в пятнадцать копеек и три холщовых в тридцать копеек); перчатки замшевые новые в семьдесят копеек; белильные щётки в шесть копеек; черенок мраморный в сорок копеек; два клубка ниток белых в пятнадцать копеек; зелёного сукна два лоскута в тридцать пять копеек.

Подозрение пало на двадцативосьмилетнего зятя Черниковой Кондратия Слонова, который был взят под стражу и в ходе допроса изложил свою версию событий. 23 августа он пришёл домой пьяным и, поскольку теща и его жена, Катерина Семёновна, не впустили его в дом, отправился спать на сенницу. Около часа ночи к нему присоединился Густелев. Кондратий, озябнув за ночь, перед благовестом в соборе решился проникнуть в дом. Открыв с огорода окно в тёплые комнаты, он забрался в жилище и во время благовеста пустил туда и Густелева. Рядовой, войдя в свою комнату, стал кричать и требовать огня, потому что в его комнате оказался беспорядок. В ходе разбирательства выяснилось, что Кондратий Слонов, вследствие несостоятельности по выплате векселей, был на год отдан в работу коломенскому купцу Даниле Аленову. В конечном итоге Слонова освободили от следствия и по освобождении из-под стражи отдали купцу Аленову под расписку.

Несколько по-иному разворачивались события по делу, заявленному 1 июля 1792 года крестьянской вдовой Афимией Евстигнеевой из экономической подмонастырской Нижней Слободы Серпуховской округи. Крестьянке достался дом в Коломне после смерти её отца, коломенского

купца Евстигнея Ферапонтова Юрьева. Во время оформления Афимией паспорта в Серпухове из светёлки были украдены вещи на тринадцать рублей двадцать копеек: поношенные китайчатые шубейки (одна на заячьем меху, другая — на овчине) каждая по пять рублей; старая китайчатая шубейка на овчине в один рубль; старый камчатный полушубок на лисьем меху в два рубля; замок железный висячий в двадцать копеек.

Довольно быстро удалось задержать пятидесятилетнюю жену коломенского мещанина Петра Петрова Старкова Акулину, проживавшую в приходе церкви Симеона Богоприимца. При её допросе выявилась масса интересных и колоритных деталей. Майским вечером, перед вечерним благовестом, в питейном доме Облупа Старкова распивала вино с крестьянином из Рязанской округи Гаврилой Максимовым и пахотным солдатом из города Михайлова Козьмой Наумовым Гробовым. По выходе из заведения Максимов предложил ограбить дом Евстигнеевой. После достигнутого согласия Старкова пошла на Торговую площадь, а затем к ночи вернулась в пустующую каменную избу умершего купца Чермнова близ Облупы. Около трёх часов ночи к ней присоединились сообщники и, распив вина, все пошли к неизвестному дому, находящемуся около двора коломенского купца Ивана Канина. Акулина осталась снаружи, а Максимов и Наумов, отперев замок, вошли в дом. Через час злоумышленники показали с двумя мешками и, отдав Старковой две шубы и полушубок, исчезли в неизвестном направлении.

Вернувшись к Облупе, Акулина Старкова сбросила добычу в яму в пустой каменной палатке и, зайдя в питейный дом, купила на двадцать копеек вина. Выйдя опьянённой из заведения, она уснула рядом с награбленными вещами. Утром загул мещанки продолжился. Дойдя до Кузнецкого питейного дома, она заложила жене служителя шубейку и полушубок, а затем пила вино. При допросе двадцатидвухлетней жены коломенского купца Ивана Петрова Соколова Афимьи Агаповой оказалось, что полушубок был куплен ею у Старковой за два рубля при выходе из Кузнецкого питейного дома. Сама мещанка при этом утверждала, что полушубок был прислан ей сыном из Москвы. Вторая шубейка стала залогом коломенскому ме-

шанину Родиону Фёдорову Попову (он проходит и как купец) из прихода Алексеевской церкви под один штоф вина и тридцать копеек. Вино было распито сразу на крыльце вместе с солдаткой Прасковьей Алимпиёвой и с её дочерью Марфой Григорьевой — женой отставного солдата Козьмы Елисеёва Юсова. Старкова встретила Прасковью, когда та шла с Торговой площади в Гончары к себе на квартиру, нанятую у коломенского мещанина Бориса Сергеева. Родион Попов со своей стороны свидетельствовал о ссуживании Старковой помимо вина сорока четырёх копеек в течение двух дней. На третий день Акулина пришла к нему перед обеденным благовестом и, отдав восемьдесят копеек, забрала шубейку обратно.

В ходе следствия был найден и пятидесятилетний михайловский пахотный солдат Козьма Гробов, проживавший в Коломне с давних пор и добывавший себе пропитание изготовлением свечей и печением хлеба. Паспорта, данного когда-то ему Михайловским уездным казначейством, при нём не оказалось. Показания Акулины Старковой на него он полностью отрицал, сознавшись только в пьянстве в течение последних пяти лет.

Параллельно Старкова давала показания и о других найденных при ней вещах: двух мотках пряжи в тридцать копеек, одних русских варежек в десять копеек, одном полотенце в восемь копеек и затулке в пять копеек. Сначала мещанка показала о краже вещей, висевших на шесте на улице, в селе Белые Колодези Коломенской округи у неизвестного крестьянина дней с пять назад. Но затем Старкова призналась, что была пьяна и не упомнит, где украла пожитки.

Итогом разбирательства стал посыл Акулины Старковой через Московское губернское правление в Московский рабочий дом для отработки стоимости украденных вещей. Козьму Гробова отослали в Рязанское наместническое правление, чтобы там с ним было учинено разбирательство по законам. Купца Родиона Попова и служительскую жену Афимью Агапову признали невиновными, поскольку они не знали, что вещи были ворованными.

Среди лиц, совершавших правонарушения, находились и малолетние. Такова история разбирательства по заявлению коломенского ямщика Семёна Карпова Толстикова о краже 16 декабря 1791 года в его отсутствие из

сундука, стоящего в его каменном подвале, ста сорока рублей (пятьдесят рублей двадцатипятирублёвыми ассигнациями, сорок рублей — десятирублёвыми, двадцать пять рублей — пятирублёвыми, а также десятирублёвым империадом и пятнадцать рублей серебряной монетой). Грабителем Семён Толстиков считал жительствовавшего у него работника, тринадцатилетнего коломенского мещанина Степана Иванова Шкарина. Подозрение усиливалось тем, что именно 16 декабря Шкарин купил новые голубой кафтан, нагольную шубу и полушёлковую рубаху, а также разменял империад у коломенского купца Василия Николаева Тулинова.

И здесь дело принимает интересный оборот. Степан Шкарин утверждал, что покупки он делал на украденные им три года назад семьдесят рублей у коломенского купца Макара Голубина, у которого более года он был сидельцем в лавке масляного ряда. Десять рублей были разменены на империад у неизвестного ему крестьянина, а шестьдесят рублей обращены в покупки. В этой части показаний проглядывает ребёнок, так как мы узнаём, что тридцать три рубля были потрачены на покупку разного лакомства: мёда, орехов и прочего. Остальные двадцать семь рублей ушли на приобретение одежды. Помимо вышеперечисленных обновок, Шкарин курил шапку, портки и один коломенковый кушак.

Описание процесса покупок предоставляет нам возможность прогуляться по коломенскому торгу. Так, овчинная шуба и плисовая шапка были приобретены у коломенского ямщика Галактиона, содержащего лавку в москательном ряду; синий суконный кафтан — у ямщика Иуды Толстикова; кушак — у коломенского купца Семёна Тулинова; рубашка с портками — в том же москательном ряду в лавке, стоящей близ лавки купца Лариона Посникова по левую сторону.

Чтобы подтвердить сказанное, были опрошены указанные торговцы, показавшие следующее. Коломенский ямщик Иуда Толстиков действительно продал коломенскому мещанину Степану Шкарину синий суконный кафтан. Ямщик же Галактион оказался в бегах, о чём свидетельствовало и явочное прошение от его отца. Купец Семён Николаев Тулинов продал Шкарину коломянку для кушака; торгующие же в Коломне в красном ряду по обе стороны лавки купца Лариона Посникова Давыд Матвеев Шерапов и Лазарь Петров Крахин отрицали покупки у них, причём Крахин уточнил, что свою лавку, стоявшую пустой, он нанял в 1792 году.

Степан Шкарин также утверждал, что об утаённых при счёте товара у купца Толстиков и его жена Нелида Карпова знали. Сам же Голубин взял со Шкарина вексель на пятьдесят рублей, забрав в счёт оставшихся двадцати рублей шубу овчинную, чёрную плисовую шапку, кушак шерстяной и кожаные рукавицы. Толстиковы отрицали слова Шкарина и указывали на отсутствие у них в доме суконного синего кафтана, полушёлковой рубашки с портками, кушака и бархатной шапки.

После обстоятельных опросов всех свидетелей и изучения поданных справок был сделан вывод о невозможности доказать кражу Шкариным денег через пролом в подвале дома Толстикова. Учитывая возраст мещанина и совершённый им поступок в отношении купца Голубина, было решено наказать его розгами и отдать в общество.

Все представленные дела велись при непосредственном участии городского надворного советника Василькова и членов Коломенского городского

магистрата: бургомистров Дементия Шерапова и Евстрата Лахонина, ратманов Ивана Тулинова, Максима Бочарникова, Сергея Попова и Алексея Ильина и секретаря Ивана Свешникова. Можно отметить строгое следование букве законов и тщательное изучение всех обстоятельств произошедшего. Благодаря этому, перед нами встают реалии прошедшей жизни, позволяя наполнить красками давно ушедшее и сделать его более близким и понятным для нас.

В очерке использованы материалы дела № 433 «Книга протоколов заседаний Коломенского городского магистрата за 1792 г.» из фондового собрания МБУ «Историко-культурный музей-заповедник «Коломенский кремль».